

ВАЛЕНТИН ПАНОВ

ХАКЕР В ЗОНЕ

ЭХО ЗАБЫТОЙ
СТРАНЫ

18+

КНИГА ВТОРАЯ

Валентин Панов

Хакер в Зоне: Эхо забытой страны

«Автор»

2026

Панов В.

Хакер в Зоне: Эхо забытой страны / В. Панов — «Автор», 2026

Они ушли через саркофаг четвёртого блока в страну, которой нет. СССР, 2026 год. Чернобыля здесь не было: Припять живёт, на Станции запускают седьмой блок, а у государства свой интернет, свои ключи и свои сети, которые никто не взламывал, потому что некому. Хакер Тор и чуткая Сойка, Алексей и Вера, пытаются стать здесь своими: работа, свадьба, квартира на Курчатова. Восемь месяцев тишины, а потом авария на седьмом блоке, в которой виноваты не они, но объяснение нужно именно их имени. Бегство через Москву ведёт на юг, в Волгодонск, к Ростовской АЭС, где в 2014 году открылась дверь в другие миры, и с тех пор вокруг станции стоит Зона: Кольцо, Море, которое не вода, Плотины и те, кто ждёт у ворот. Там, где нечего взломать, остаётся читать: стены, книги, людей. И слушать. Потому что за последней дверью, в снегу, под фонарём, кто-то уже написал мелом четыре буквы по-нашему. Вторая книга цикла «Хакер в Зоне».

© Панов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Седьмой блок	5
Глава 1. Общежитие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валентин Панов

Хакер в Зоне: Эхо забытой страны

Часть первая. Седьмой блок

Глава 1. Общежитие

Паспорт лежал на столе и был серый.

Не красный, как у них в кино, не синий, как у меня дома, а серый, картонный, с тиснёным гербом, который я трогал пальцем, как трогают монету, чтобы проверить, настоящая ли. Герб был настоящий. Под гербом стояло: «Паспорт гражданина СССР». Ниже, мельче, красным штампом, косо, как ставят усталой рукой в конце смены: «ВРЕМЕННО».

Я жил с этим словом две недели. По их счёту. По моему — я не знал. Часы у меня шли, и я каждое утро проверял, идут ли, и они шли, и я всё равно не верил.

Комната была четырнадцатая. Второй этаж, окно на восток, за окном — шоссе, за шоссе — лес, за лесом — то, о чём в городе не говорили вслух и что называли «Станция», как называли у нас, с той стороны. Семь белых коробок. Труба в полоску. Краны, которые двигались. По утрам, когда солнце вставало за ними, они стояли чёрные, как вырезанные из бумаги, и я смотрел на них, пока закипал чайник, и считал.

Я всегда считал. Кода говорила: у тебя лицо. Я не умел иначе.

Общежитие Института стояло за городом, у шоссе, в пяти остановках от конечной шестёрки. Жёлтый автобус приходил в семь сорок, и в восемь десять, и в восемь сорок, и я знал расписание наизусть на третий день, потому что расписание — это система, а системы я понимаю. Люди в автобусе ездили на работу. В халатах под куртками, с сумками, с термосами. Они смотрели в телефоны. Все. Как у нас.

Телефон мне выдали под подпись.

Это была первая подпись, которую я поставил на той стороне. Женщина в первом отделе, лет пятидесяти, с седым узлом, как у Громовой, только мельче, положила передо мной бланк и сказала: «Распишитесь за аппарат». Я расписался. Потом она положила второй: «Распишитесь за ключ». Я спросил, какой ключ. Она посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который спросил, какой воздух.

— Госключ, — сказала она. — Временный. Представителям ветки положен временный.

Аппарат назывался «Искра-12». Плоский, стеклянный, тяжелее моего, в металлической рамке. Я взял его в руки и понял, что он мне знаком: не кнопками, не экраном — весом. Так весят вещи, которые делают для того, чтобы они служили долго, а не для того, чтобы их меняли. На задней стенке, под стеклом, стояла маленькая звезда. Выпуклая, красная. Я провёл по ней пальцем. Эмаль.

— Палец, — сказала женщина.

Я приложил палец. Потом второй. Потом она попросила посмотреть в камеру, и я посмотрел, и она попросила сказать вслух своё имя, и я сказал: «Акимов Алексей Сергеевич», и это было странно — слышать, как я сам это говорю, в кабинете с портретом на стене, под гербом, который я уже потрогал.

— Один человек — один ключ, — сказала женщина. Не мне. Она говорила это, наверное, по сорок раз в день. — Ключ хранится в аппарате. Аппарат — это вы. Утерян аппарат — утеряны вы. Восстановление по биометрии в течение трёх суток, с участием куратора.

— А если куратора нет?

Она подняла глаза.

— Куратор есть всегда.

Так я узнал про Ардашева. Не имя — только то, что он есть. Имя мне сказали позже, когда я спросил.

В первый вечер я сел на кровать, включил аппарат и вошёл.

Я не собирался ничего ломать. Я хотел посмотреть. Так смотрят на новый дом: где розетки, где щиток, какой замок на двери и кто ещё знает, где лежит ключ. Это не взлом. Это привычка, которая кормила меня восемь лет и которую я не мог выключить, как не мог выключить счёт.

Сеть называлась «Контур».

Я знал это слово от Коды. Она сказала его в первый день, когда мы сидели на парапете, и я переспросил, и она сказала: «Да, Контур. Это у них вместо всего. Привыкнешь». Я не привык. Я вошёл и стал смотреть, как смотрят на чужую проводку.

Снаружи — обыкновенно. Экран, значки, поиск, «Связь» с синим конвертом, «Витрина» с товарами, «Вестник» с новостями, «Справка», «Касса», «Кабинет гражданина». Красиво. Аккуратно. Так, как бывает, когда одни и те же люди делали и железо, и стекло, и то, что под стеклом, и никто не спорил, какого цвета должна быть кнопка.

Внутри — другое.

У сети не было наружи.

Я понял это не сразу. Я искал привычное: границу, за которой начинается чужое, узлы, через которые выходят вовне, то место, где дом кончается и начинается улица. Его не было. Всё, что отвечало, отвечало изнутри. Поиск находил всё, что было в Контуре, и не находил ничего, чего в нём не было, и не говорил, что чего-то нет: он просто показывал, что есть. Это было как искать в библиотеке, где нет каталога чужих книг, потому что чужих книг не бывает.

Адресация своя. Протоколы свои, поверх знакомого железа — так пишут люди, которые всё видели и решили сделать по-своему. Корневой центр, которому верили все аппараты в стране, был один. Государство. Не компания, не консорциум, не чей-то хитрый фонд с офисом в тёплой стране. Герб.

И каждое действие — подписано.

Я открыл «Кабинет гражданина» и увидел журнал. Свой. За два дня. Вход в аппарат — время, место, ключ. Открыл «Справку» — время, место, ключ. Посмотрел расписание шестёрки — время, место, ключ. Всё, что я делал, лежало списком, аккуратным, с секундами, и внизу стояла строка, которую я прочёл три раза:

«Срок хранения: бессрочно».

Я сидел на кровати в четырнадцатой комнате, с аппаратом в руке, и думал о том, что дома за такой список люди платили бы деньги, а здесь он выдавался вместе с паспортом, бесплатно, с гербом.

Потом я подумал другое.

У них не было наружи. Значит, не было и врагов снаружи. Никто не стучался в дверь ночью: стучаться было неоткуда. И я стал смотреть, как они закрывают двери изнутри.

Плохо.

Не сразу, не везде, но плохо. Сегменты плоские, как поле. Институтская сеть и общежитская сеть смотрели друг в друга, как соседи через забор, которого нет. Прошивки на том, что мне попадалось, были старые, добротные, подписанные, но старые, как лампы Шамана: их не меняли, потому что они работали. На терминале в холле общежития, под стеклом, лежал стикер: «наладка — 1986». Я не трогал. Я посмотрел и пошёл спать.

Крепость без врагов снаружи не умеет закрывать двери изнутри. Я записал это на листок, карандашом, и положил листок в паспорт, между страницами, рядом со словом «временно».

Вера жила на третьем этаже.

Здесь её звали Верой. Не Сойкой — Сойка осталась там, на площадке с винтовкой, которую она не взяла. Громова написала в протоколе «Соколова В. П.», комиссия повторила, вахтёрша с вязанием сказала «Верочка, вам на третий», и так пошло. Я привыкал. Я ловил себя на том, что про себя зову её по-старому и вслух — по-новому, и между этими двумя именами был целый год, который прошёл здесь без нас, и сорок дней, которые прошли там без них.

По утрам она уходила раньше меня. К столу Громовой. Так это называлось: «к столу». Громова сидела в шлюзовом отделе, за столом под зелёным сукном, и Вера стояла рядом, два часа, три, иногда до обеда, как стоят у станка. Представитель ветки Р-4, допуск временный. Что она там делала, она рассказывала коротко: «Стояла. Слушала. Громова спрашивала — я отвечала. Про Депо, про Артель, про то, сколько в сети. Она пишет».

— Что пишет?

— Акт. Новый. Она сказала: старый я писала две секунды, новый буду писать полгода.

Вера возвращалась к вечеру и садилась на кухне общежития, у окна, с чашкой, и молчала. Не так, как молчала в Зоне, когда слушала. Иначе. Как молчат, когда слушать нечего.

Я заметил это на четвёртый день. На десятый — перестал делать вид, что не замечаю.

Шаман жил при лампах.

Он спал в Институте, в комнате за стойками, на раскладушке, которую ему принёс Климов, и приходил в общежитие раз в три дня — помыться и поесть. Он говорил о лампах. Только о лампах. Что в третьем ряду одинокая, и что они её меняют, и что отдел — восемь человек — ходит вокруг неё, как вокруг больной, и что у него на той стороне было две, и одна лопнула на пробе, а вторая на сбросе, и осталась одна, и она тёплая, и он поставил её к их, и они приняли.

— Кто принял?

— Лампы. — Он смотрел на меня как на глухого. Я и был. — Они её приняли, Тор. Она поёт с ними в тон. Климов говорит, так не бывает: она сорок лет на ветке стояла, под Камертоном, у неё должен быть сдвиг. А сдвига нет.

Он называл меня Тором. Здесь. В общежитии, на кухне, при вахтёрше. Я не поправлял. Он был не отсюда и не собирался становиться отсюда, он был «специалист с Элеватора» в протоколе Громовой, и для него я остался тем, кем был на трубе.

Кода и Грач приходили по вечерам.

Их я тоже учился звать. Даша. Игорь. Это было труднее всего. Я год говорил «Кода», сорок дней думал «Кода», и Кода была та, которая сидела на подоконнике и говорила «пусть», и та, которая нарисовала кота лёжа, — а Даша была женщина в большом халате, с волосами до плеч и обломанным ногтем, которая приходила на кухню общежития с ноутбуком и ставила его на стол между чашками.

Ноутбук был институтский, «Искра-ИН», с той же звездой на крышке. Она открывала его и работала. Тут же, при всех, при вахтёрше, под камерой в углу. Я спросил в первый вечер, не боится ли.

— Чего?

— Что увидят.

Она посмотрела на меня, потом на камеру, потом снова на меня.

— Лёш. Тут всё видят. Это не страшно. Страшно, когда видят и молчат. — Она вернулась к экрану. — Тут не молчат. Тут приходят и спрашивают. Это честнее.

Она звала меня Лёшей. Не Рыжиком — Рыжик был для другого. Лёшей. Как звала, когда мы снимали квартиру на двоих и ели из одной кастрюли и временные файлы называли именами котов. Я не поправлял и это.

Грач приносил еду. Всегда. Пирожки от столовой, или хлеб, или сыр в бумаге, или — один раз — рыбу, которую ему дал кто-то на пристани. Он ставил на стол, не спрашивая, как ставят в семье. Он работал на Станции, в турбинном, рабочим четвёртого разряда, и говорил

о работе мало, и о сестре — ещё меньше, и о том, что он думает про меня, — ничего. Он смотрел. Как смотрел Боцман на воду.

Мы сидели впятером, когда приходил Шаман, и вчетвером, когда не приходил, и ели, и Даша работала, и Вера молчала у окна, и я думал, что это похоже на семью, которой ни у кого из нас не было, и что я не знаю, что с этим делать.

Один раз Игорь заговорил сам. Он доел, вытер руки о газету, в которой принёс хлеб, и сказал, глядя в стол:

— Седьмой пустили в двадцать первом. Я пришёл в двадцать пятом, на третий. На седьмой не берут, там смена в белом, там всё на стекле, там рабочему делать нечего — там кнопки. — Он помолчал. — Петро говорит, на седьмом турбина не гудит. Шелестит. Он не верит, что это турбина.

— Ты там был?

— Через стену. Турбинный у них общий с шестым, длинный, как у нас элеватор. Четвёртый — с другой стороны. Между ними кабельный тоннель, я по нему ходил, когда носили щиты. — Он поднял глаза. — Там дует. В тоннеле. Из-под двери четвёртого. Тёплым.

Даша перестала печатать.

— Там цикл, — сказала она. — Оттуда всегда тянет. Это нормально.

— Я знаю, что нормально. — Игорь встал. — Я год это слушаю. Я говорю: тёплым. Не сквозняк. Как из натоленной. — Он взял куртку. — Маячок кланяется. Сказал: пусть заходит на пристань, он свистеть научит.

Он ушёл. Даша сидела с руками над клавиатурой и не печатала. Потом напечатала.

Я не спросил что.

Линия в Зону открывалась в четыре.

Двадцать минут в сутки. Климов выбил. Это была не телефонная линия, не в том смысле, в котором я понимал слово: это был открытый контур через окно, через стекло камеры номер три, через стену шахты, которой нет. По нему я тогда вёл ручку, а Климов вёл контур. Теперь по нему говорили.

Чёрный эбонитовый телефон стоял на столе у комиссии, на зелёном сукне. Я приходил в без десяти четыре, садился на стул у стены и ждал. В четыре Климов снимал трубку, слушал, говорил: «Есть» — и передавал мне.

— Акимов.

— Кайзер.

Голос был ровный. Он всегда был ровный, этот голос, и на трассе, и в зале, когда он сказал «нет», и теперь, через окно, через стену, через то, что между нами было, я слышал тот же голос, и в нём ничего не дрожало.

— Жив, — сказал он, потому что я не спросил. — Ярцев жив. Рука не работает. Правая. Он держит левой.

— Что держит?

— Ничего. Привычка.

Машина была выжжена. Он сказал это в первый же разговор, две недели назад, и повторил теперь, без лишнего: стойки чёрные, лампы лопнули, экран погас. Шесть цилиндров работали, как написано в инструкции, которую никто не читал. Кольцо отпустило. Дверь осталась. Дикая. Он не знал, что это значит, и Ярцев не знал, и я не знал.

— Тихо, — сказал он. — Третий день.

— Что тихо?

— Всё. Ни письма. Ни аномалии. Ветер дует туда, к вам. Ровно. Я такого не видел.

Я молчал.

— Сойка? — спросил он. Впервые.

— Здесь. У стола.

— Хорошо.

Он сказал «хорошо», как говорят «принято». Потом добавил:

— Дверь под охраной. С вашей стороны. С позавчера. Двое в касках у двери «Блок 4». Пропускают только Климова. Передайте, что я видел.

— Кто передал?

— Обходчик. Он стоит у окна с их стороны, когда открыто. Я вижу. Он — тоже.

Климов взял трубку обратно. Двадцать минут вышло.

Я шёл к автобусу и думал про двоих в касках. С этой стороны. У двери, за которой — та площадка, та лестница, тот зал с зелёным сукном. Две недели назад через неё прошли трое и один вернулся за Кайзером, чтобы отнести ключ. Теперь там стояли двое в касках и пропускали Климова.

Это тоже была система. Я её понимал.

Я не понимал только, кто её поставил и зачем.

Комиссия собралась в пятницу.

Не та, что была. Та, в которой Громова держала папку стоя, распалась, когда подписали протокол: трое перешли, двое остались, акт пересматривают. Эта была другая: семь человек, из них я знал только Громову и Климова, и Климов сидел с краю, как сидят те, кого позвали не для голоса, а для справки.

Нас вызвали четверых. Меня, Веру, Дашу, Игоря.

Шаман не был вызван. Он был «специалист с Элеватора», и графы для него не было, и он остался при лампах.

Громова встала. Она всегда вставала, когда читала.

— По решению комиссии, — прочла она, — представители ветки Р-4, принятые на основную сторону в ходе апробации, подлежат трудоустройству по специальности, с учётом допуска, на период до пересмотра акта. Место трудоустройства — Припятская атомная электростанция имени Ленина. Седьмой энергоблок.

Она подняла глаза.

— Акимов Алексей Сергеевич. Инженер по защите автоматизированных систем управления технологическими процессами. Цех тепловой автоматики и измерений. Основание — заключение Института о квалификации.

Я ждал. Она не продолжила. Я спросил сам:

— Какое заключение?

Громова посмотрела в папку, хотя знала наизусть.

— «Представитель Акимов продемонстрировал способность к несанкционированному доступу к системе управления объекта К при отсутствии документации, под противодействием, в условиях ограниченного времени». — Она закрыла папку. — Вы единственный человек на основной стороне, который взламывал «Камертон». Значит, вы единственный, кто знает, как его защищать.

— Это не одно и то же.

— Комиссия считает, что одно.

Я мог бы сказать, что восемь лет открывал двери и ни одной не закрыл. Что замки я знаю с той стороны, где щёлкает. Что защита — это когда ты сидишь внутри и ждёшь того, кем был сам, и это хуже. Я не сказал. Я посмотрел на Климова. Климов смотрел на стол.

— Козинцева Дарья Викторовна, — читала Громова. — Ведущий инженер АСУ ТП, цех тепловой автоматики и измерений, седьмой энергоблок. Основание — авторство системы управления объекта К, переданной Институту.

Даша кивнула. Она знала.

— Соколова Вера Павловна. Обходчик службы радиационной безопасности, седьмой энергоблок. Основание — заключение комиссии о состоянии резонирующего представителя: «резонанс не зафиксирован, допуск к работе в зоне контролируемого доступа не ограничен».

Вера не кивнула. Она стояла, как стояла у стола, ровно, с руками по швам, и смотрела на Громова, и я видел, что она слышала не «обходчик», а «резонанс не зафиксирован», и что это было то, что она слышала о себе две недели каждый день.

— Соколов Игорь Павлович. Турбинный цех, рабочий четвёртого разряда, без изменений. — Громова опустила папку. — С понедельника. Пропуска получите на проходной по Госключу. Вопросы.

Вопросов не было. Потом Игорь сказал:

— Седьмой — это который рядом с четвёртым.

— Да.

— Там за стеной дверь.

— Да.

— Через стену от меня будут стоять двое в касках.

Громова помолчала.

— Трое, — сказала она. — С понедельника трое.

Вечером я сидел в четырнадцатой с аппаратом и смотрел на свой допуск.

Он лежал в «Кабинете гражданина», в разделе «Права». Строчками. «Вход в сеть Института — разрешён, до 23:00». «Вход в сеть общежития — разрешён». «Справка — разрешена». «Касса — разрешена, лимит». «Связь — разрешена, внутри Института». «Вестник — разрешён». «Витрина — разрешена, лимит». «Выезд за пределы Припятского района — по согласованию с куратором». «Куратор: Ардашев Ю. И.».

Я читал, и это было похоже на то, что я видел в нижнем слое «Камертона», когда вошёл под «Рыжик?»: панель прав, аккуратная, с галочками, и у каждой галочки — кто поставил. Только там я был снаружи и мог поставить сам. Здесь я был строкой.

Строка — это тоже положение. Я умел быть строкой, когда нужно. Восемь лет я был строкой в чужих журналах: «вход», «выход», «не обнаружен». Тут было иначе. Тут я был «обнаружен». Бессрочно.

Я выключил аппарат и положил на стол, звездой вверх.

За окном, за шоссе, за лесом, Станция стояла в огнях. Семь белых коробок, подсвеченных снизу, и труба с красными огнями на верхушке, и краны, которые не двигались ночью. Четвёртый блок был посередине. Я не мог отличить его от других. Здесь он был такой же, как все: белый, с огнями, рабочий. Там он был гора.

Я смотрел и считал, сколько там сейчас. Четыреста сорок один минус те, кто ушёл к Знахарю, плюс те, кто пришёл сам. Я не знал цифры. Я считал всё равно.

В дверь постучали.

Не так, как стучал Обходчик. По-людски: три раза, костяшками, негромко, как стучат, когда не уверены, что надо.

Я открыл.

Вера стояла в коридоре. В том, в чём ходила к столу: серый свитер, брюки, носки без тапок. Волосы распущены — я впервые видел их распущенными, не косой, рыжие, до лопаток, и от этого лицо было другим, моложе и беззащитней, и шрам через бровь был виднее.

Она не вошла. Она стояла на пороге и смотрела не на меня, а куда-то мне в плечо.

— Я не слышу ничего, — сказала она. — Совсем.

Я молчал.

— Я лежу и слушаю. Третий этаж, окно на лес. Я слушаю лес. Я слушаю Станцию. Я слушаю, как внизу вахтёрша вяжет. И ничего. Ни хора. Ни тех, кто зовёт. Ни ветра — он

есть, он в окно, но он просто ветер. Я год слышала. Я думала, это болезнь. Громова написала: резонанс не зафиксирован. Это значит — здорова.

Она подняла глаза.

— Я не умею здоровой. Посиди со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.